

Ограничения в развитии России: новый геодетерминизм

А.И. ТРЕЙВИШ

Все мы родом из детерминизма хотя бы потому, что наша наука родом из XVIII в. детерминистов-энциклопедистов, Канта, Гердера, Линнея, Мальтуса, Монтескье, Татищева, Ломоносова... Детерминизмы бывали всякие — гео-, этно- и демографический, политисторический, экономический. Марксизм — из последних, причем его сузили до примата базиса, до «руки рабочих создают все богатства на свете», хотя сам Маркс важнейшим разделением труда считал его деление на труд материальный и духовный и ожидал, что первый будет вытесняться вторым.

Геодетерминизм периодически возвращается*. На подъеме начала XX в. многие верили, что человек — продукт земной поверхности [Semple 1911, p. 1]. Тогда же Р. Челлен и Х. Маккиндер создали геополитику с ее «махровым геодетерминизмом» [Колосов, Мироненко 2001, с. 29—86]. Правда, формула мощи держав у Челлена помимо географии включала экономику, народ, власть. Гео- (или физио-) политика как таковая зависела у него от протяженности территории, ее монолитности и геоположения, особенно на морях. России не повезло с третьим фактором; Британская империя, эта клочкообразная (термин В.П. Семенова-Тян-Шанского) талассократия, немоналитна. У Германии сочетание обратное, а у США уже было все, что надо.

Этот простой расклад сравнительно-географических преимуществ и слабостей, изъянов, ограничений (затрудняясь с точным антонимом, выбираю последний) не лишен смысла. Кстати, вопрос для классификаторов наук: по какому ведомству детерминизм *экономгеографический* (*геоэкономический*)? Впрочем, наука едина. Еще Гердер [Гердер 1829 с. 9] писал: чтобы понять события, нужно знать три независимых фактора — время, место и национальный характер. По Э. Реклю, история есть география во времени, а география — история в пространстве. Универсален и географический принцип полимасштабности, из коего выведен лозунг практиков: *мысли глобально, действуй локально*. Но блюсти все заповеди трудно, и многие теории успешно игнорируют один из масштабов.

* То обновленным, то архаично-абсурдным. В духе убеждения аббата де Бо, что искусство создают лишь между 25° и 52° с. ш. (значит, вне Шотландии, Скандинавии, Москвы, Питера, обоих Новгородов, древних центров майя и инков, Индокитая, Индонезии), или Ш. Монтескье, судившего по холодному приему некой оперы в Англии и горячему в Италии о природной разнице темпераментов. П. Джеймс и Дж. Мартин (1988, с. 158—159), приводя эти примеры, отмечают отсутствие статистики и контрольного эксперимента. А интересно: что сказал бы Монтескье о британских футбольных фанатах и итальянских тиффози?

Ограничения в развитии России: новый геодетерминизм

Так, удивительно живучая модель рыночных колец И. фон Тюнена родилась в прусском Мекленбурге, но вовсе не в «изолированном государстве», С XVI в., после революции хлебных цен, это — звено в разделении труда, а проще — один из амбаров Европы. Продукция Тюненова поместья вряд ли поедалась в Ростке, скорее плыла оттуда в Амстердам или Лондон, где давали лучшие цены. Еврорынок, лелея свой эпицентр, породил на периферии монстра в виде плантационного рабства в Америке и «второго издания» восточноевропейского крепостничества [Blum 1957; Makkai 1975; Rugg 1985], потом русского, неотделимого от позднего первого издания [Миронов 1985]. Да и наш рынок, еще отрезанный от западного, надолго заложил трещину между торгово-промышленным севером и черноземным югом.

Обобщение неприятно тем, кто верит во всеобщий прогресс: экономическая интеграция (глобализация), как и имперская силовая, требует жертв, оборачиваясь для периферий застоєм, даже откатом куда-то назад. Пусть не навсегда: различия сотрутся, если тот же центр не воспроизведет их при новых волнах модернизации. Неравенство вообще не лимитирует развития, но служит его источником и спутником. Ограничения возникают тогда, когда общество не готово платить за «прогресс» чрезмерную цену, не допускает сегрегации сильнее некой предельной. Правда, коридоры такого рода чаще интуитивны, чем рациональны, их нелегко рассчитать.

Вернемся к циклам геодетерминизма. Середина XX в. — уже время его провала, вернее замены, но не POSSIBILITY, а иным детерминизмом либо фанализмом по принципу: любой ценой к цели*. И похоже, что маятник связан с пульсацией мирового рынка. XIX век после Венского конгресса — период его экспансии, а половина XX в. между мировыми войнами (а где-то и потом) — эпоха замыкания на своей территории и ресурсах. С ними все работали по-своему, в меру волонтаризма лидеров, утраты общих критериев эффективности, пренебрежения всякими ограничениями. Отсюда все эти индетерминизмы под лозунгами вроде «течет вода Кубань-реки...».

Вряд ли был прав Р. Хартшорн, считавший проблему детерминизма и свободы воли лишенной практического значения, ибо это вопрос веры [Харвей 1974 с. 395]. Когда нация на перепутье, заново оценивает свои шансы и те самые ограничения, она предстает как весьма практическая. Это наш случай. В чем сила и слабость страны, с чем ей идти в мир и идти ли вообще? Мнения разные, а факты-аргументы те же. Все знают, что Россия — огромная суровая страна, богатая ресурсами: при прочих равных, их тем больше, чем обширее территория и чем хуже она освоена. Но где они, прочие равные условия? И не потому ли так разнятся оценки?

Д.С. Львов говорит о двух экономических образах России: отсталой неконкурентоспособной страны-банкрота и страны потенциально очень богатой (от природы) [Львов 2001]. Первый образ он считает официальным, второй — теневым,

* Географу Г. Тейлору, протестовавшему около 1950 г. против активного освоения внутренних пустынь Австралии, сразу не повезло: он вызвал гнев заинтересованного в освоении лобби и коллег, обвинивших его в негеодетерминизме [Джонстон 1987, с. 63]. Живи Тейлор в СССР и восстань он против освоения севера или гидрогигантомании, ему бы попало не меньше.

скрытым от мира и своего народа. Совсем иные взгляды у другого представителя клана «экономистов-патриотов» А.П. Паршева. Его книга «Почему Россия не Америка» интересна уже тем, что вся ее первая часть выдержана в духе нового-старого геодетерминизма, даже геофатализма. Вкратце цепочка тезисов Паршева такова:

1. *Мы построили свое государство там, где больше не живет никто.* Такого холода нет ни в Скандинавии, ни в Канаде; Аляска — курорт по сравнению с Чукоткой и т. д. Россия велика, хотя по эффективной для жизни территории (1/3 страны с высотами до 2000 м над у. м. и среднегодовой температурой не ниже -2°C) занимает не первое, а только пятое место в мире. Базовые отличия условий ее развития от прочих стран составляют именно климат и расстояния.

2. Затраты на перевозки, энергию, строительство утепленных зданий, одежду, жизнеобеспечение в целом удорожают российское производство, делая его *абсолютно неспособным выдержать конкуренцию* (скажем, с Индокитаем, где вечное лето и совсем дешевый труд). *Привлечь капитал в нашу экономику нельзя никак, никакими силами*, ведь факторы ее непривлекательности неустранимы при «отсутствии закона о повышении средней температуры января».

3. Поэтому *реформы ее погубили*, и если реформаторы этого не знали, то они идиоты, а если знали — преступники. Жизнь из нее уходит по мере износа фондов, проедания запасов и бегства за рубеж ресурсной ренты. Открываться ей было нельзя, но еще не поздно закрыться. Российский рынок должен быть изолирован от мирового, вывоз исчерпаемых ресурсов, валюты, капитала вообще нужно запретить.

Такова общая логика. Диссонансом звучат те места, где написано, что полная автаркия невозможна и не нужна и что сам автор — рыночник, только он за рынок внутренний, без внешнего. В рецензии на книгу В. Кудров и В. Фаминский особо отмечают, что паршевский идеал «рыночника, грамотного и последовательного» — это Сталин; при нем все работало и было сбалансировано [Кудров, Фаминский 2001]. Значит, книга не заслуживает серьезного разбора.

Хлесткий, хамоватый стиль Паршева (или публицистически заостренный, дело вкуса) с данью традиционным жанрам доноса на Гайдара с командой и теории заговора ЦРУ против России (кстати, виду субъективно-политического детерминизма) мешает спокойному обсуждению его книги. А как же факты и аргументы, те самые базовые отличия — может быть, они натянуты, ошибочны?

Итак, верен ли первый тезис Паршева и почему: потому, что Россия — самая холодная страна или потому, что так заселена? Параметры климата, используемые для сравнений, лучше сразу брать как *средние территориальные и демографические*. В первом случае взвесим их на площадь исходных ячеек, во втором — на их население, чтобы выяснить, сколь, например, «холодно» самой земле и ее, так сказать среднему, обитателю. Эти расчеты я рискнул провести для России, Канады и Швеции по 106, 47 и 27 ячейкам (провинциям и т. п., их специально выделенным частям, отдельно по островам), снимая данные с климатических карт.

Сразу дам свой ответ: *Паршев в общем прав*. Хотя у нас холод, во-первых, не по широте*; во-вторых, эффект усилен расселением (табл. 1). Среднегодовая

* Средняя широта территории РФ - 60° с. ш. (Петербург, где "не может быть искусства"), а населения — 54° (Тула), хотя долготы геоцентров иные: центр нашей территории в

Ограничения в развитии России: новый геодетерминизм

Таблица 1. Некоторые характеристики «северности» расселения и суровости климата Канады, России и Швеции (расчеты автора)

Показатель	Для территории или населения	Канада	Россия		Швеция
			вся	Европейская	
Средние координаты широты в градусах, округленно	территория	55	60	58	62
	население	47	54	54	60
Среднегодовые температуры, градусы Цельсия	территория	-4,4	-5,5	2,2	2,2
	население	5,8	2,8	4,3	5,2
Период с устойчивыми морозами (ниже 0°), дней	территория	208	205	155	138
	население	125	143	133	94
Сумма активных температур (выше 10°), градусы Цельсия	территория	903	1073	1759	1347
	население	1685	2020	2153	1819

температура $-5,5^{\circ}$ С для территории и $+2,8^{\circ}$ для населения (разница в $8,3^{\circ}$). В Европейской части, как и в Швеции, первая составляет $+2,2^{\circ}$, но шведу на градус теплее, чем россиянину. Для всей территории Канады это $-4,4^{\circ}$, а канадцы живут при $+5,8^{\circ}$. Их Арктика безлюднее нашей, и разница превышает 10° .

Морозы в Канаде и России стоят более 200 дней. Площадей с зимами по полгода и дольше у них 73 %, у нас — 69 %, а жителей, терпящих такие зимы, там меньше (2,5 % и 8,5 %). Для канадца зима в среднем длится 125 дней, у россиянина — 143. Для жителя Европейской России — это 133, а для шведа — всего 94 дня, нормальные 3 месяца. Такие зимы в Канаде и у нас бывают только на юго-западных окраинах (близ Ванкувера и на Северном Кавказе), где живут 13 % и 9 % населения.

Итак, холод на канадской и российской территориях почти тот же. Но в Канаде срабатывает эффект «прижатости» населения к южной границе. Поэтому для него и для агросектора разница чувствительна. Но вот что примечательно: при континентальности нашего климата и более жарком лете, суммы активных температур в России, особенно Европейской, выше, чем в Канаде и Швеции.

Почему же урожайность, скажем зерновых, у нас в 2—4 раза ниже? Если говорить только о климатических причинах, нужно, конечно, учесть увлажнение. Агрогеографы любили сравнивать СССР со всей Северной Америкой, где площади сельхозземель были почти равны. И всегда находили, что у нас плохо с сочетанием тепла и влаги: где есть одно, там нет другого. В умеренной зоне (субтропиков в РФ почти нет) доля земель с пригодным для большинства культур сочетанием будет у нас в 5 раз меньшей, чем в Америке [Field 1968 и др.]. Об этом пишет и Паршев, ссылаясь на выводы Л.В. Милова о влиянии «ритмов

Эвенкии, населения - в Башкирии. Вся Исландия, Финляндия, центры Норвегии и Швеции лежат севернее, канадские — чуть южнее. Москва делит с Копенгагеном 7—8-е место среди столиц по высокоширотности, но это столицы европейские. А климат в Европе аномально мягок для ее широт, куда мягче нашего и канадского.

климата» и краткости сезона работ на низкую агрикультуру и продуктивность хозяйства [Милое 1998].

А ведь расселение всюду вписано в ареал агроземель, где лучше и условия жизни. *Как же населена Россия с ее условиями?* Как ни странно, равномернее США, Канады, Китая. Это видно из сравнения по 10—12 районам (их дробность не может быть разной, ибо влияет на результат). У нас они резко разнятся по площади, а контрасты населения, его плотности все равно меньше (табл. 2). Перекройка Сибири с вычелением полярных пустынь «по-канадски» сближает РФ с США, но не с Китаем и Канадой. Так, перепад плотности между самым густо- и редконаселенным районами России составит в этом случае 145 раз, в США — 137, в Китае — 280, в Канаде — 950 (с учетом 12-го района, эскимосского Нунавута — 1250 раз). Мы не теснимся в одном углу, а скорее расплылись по равнинному океану суши, где нет резких природных рубежей. По курьезной версии XVII в., само имя Россия произошло от слова *рассеяние*. Ошибка, но символичная.

Какие географические направления дают такой результат? С запада на восток профиль населения снижается довольно круто, отличаясь от американских отсутствием подъема у Тихого океана. Правда, китайский профиль Тибет — Шанхай с 300-кратным перепадом плотности круче нашего 50-кратного (и еще меньшего в главной полосе расселения). Зато наш север куда многолюднее американского. Самые пустынные округа не так пусты, как в Канаде, где на 100 кв. км нет и пары жителей, и контраст с обжитой зоной куда меньше. Отчасти это — наследие ГУЛАГа и шире — почти дарового труда. Споры о судьбах Севера велись в СССР лет двадцать, а города в Заполярье все росли, пока оттуда не побежали и лишние, и нужные кадры.

В общем суровость климата мы усугубили небрежением к нему и к людям, в нем живущим. Однако так ли все ужасно? Да, климат континентален, контрастен, и по Паршеву, это очень скверно. Но ведь летом теплее. Бывают неведомые морскому климату засухи. Зато сухие морозы мы переносим легче. Это тоже отчасти объясняет, почему земледелие и население традиционно сильнее сдвинуты в глубь континента и в более высокие широты, чем у других северян*.

И все ли так фатально? Эпиграфом к одной из глав у Паршева служит шутовское первое правило езды на велосипеде: независимо от того, куда вы едете, это в гору и против ветра [Паршев 2001, с. 68]. Ну да, при неумении ездить (ходить, плавать, летать) вам тяжело, а если вы и не учитесь на своих и чужих ошибках, то ваше положение безнадежно. Таким оно по существу предстает в книге Паршева. Мол, об условиях России знают все, о неэффективности экономики тоже, но не хотят признать связи между явлениями, да и вообще у нас не любят признавать невозможность что-либо изменить [Там же, с. ПО].

В самом деле, нам не изменить времени, места, климата или национально-го характера. Хотя все это тоже меняется независимо от нас, но уповать, к

* Плюс мотивы освоения — от пушнины, за которой шли землепроходцы, до прогнозов М.В. Ломоносова (богатства России будут прирастать Сибирью) и Д.И. Менделеева, писавшего, впрочем, что центр населенности будет двигаться к обильному землей востоку и благодатному югу (а не северу). Но великий сдвиг завершен, причем геоцентр городского населения топчется под Уфой вот уже 40 лет. Исчерпаны и его мотивы, и ресурсы, прежде всего демографические.

Таблица 2. Показатели степени неравномерности заселения ряда стран по 10–12 макрорайонам на рубеже 1990-х гг. (расчеты автора)

Показатель	Россия Китай США Канада				
Количество районов	11*	12**	12***	10****	11*****
Их площадь					
Коэффициент вариации	13,3	8,1	8,7	4,6	9,4
Отношение максимума к минимуму, раз	37	29	20	13	56
Их население					
Коэффициент вариации	2,5	3,6	4,6	3,4	15,9
Отношение максимума к минимуму, раз	5	15	115	27	353
Плотность населения					
Отношение максимума к минимуму, раз	49	144	283	137	952

Примечания:

- * Крупные экономические районы (Калининградская область в составе Северо-Запада);
- ** Альтернативные районы на востоке РФ по широтному принципу: Северная Сибирь, Северо-Восток, Южная Сибирь и Забайкалье;
- *** «Районы кооперации»;
- **** Районы Бюро цenzов, Аляска и Гавайи (вместе);
- ***** Провинции (Новая Шотландия вместе с о. Принца Эдуарда) и две территории.

примеру, на глобальное потепление явно не следует: неизвестно, станет от него лучше или хуже. А вот на выработанную веками народную стойкость, умение адаптироваться к свойствам российского пространства можно положиться. Наша страна встречала много вызовов и умела находить достойные ответы.

Напомню, что перечень главных типов таких вызовов у английского историка А. Тойнби включает *вызовы суровых стран, новых земель, исторических ударов* [Тойнби 1991]. С ними, причем наиболее трудными, но удачно выдержанными, Тойнби связывал само рождение цивилизаций, например Нового Света — переселенческих и принявших вызов новых земель. Все зависит от способности цивилизации и ее творческой элиты искать и находить ответы. В конце концов, можно учиться и у природы. Возьмем наш Дальний Восток, где зимой — сибирские морозы, летом — почти влажные тропики. По правилу пессимиста (езды на велосипеде и т. п.), биота там должна быть самой бедной. А она богата, и тигры уживаются с кедрами. Разве мы так не можем?

Людам свойственно заблуждаться, но порой они способны это признать. Кстати, это случалось с упрямыми детерминистами XVIII в. Так, граф де Бюффон, директор парижского ботанического сада, считал, что человек может приспособиться к любому климату. Но вот о природе и ресурсах Америки он почему-то был нелестного мнения: там де редки леса, мелки животные, скудны недры. Возмущенный Т. Джефферсон лично выражал ему свой протест. И Бюффон извинился, когда получил из штата Мэн скелет и шкуру гигантского лося [Джеймс, Мартин 1988, с. 162]. В общем ограничение по Бюффону оказалось мнимым.

Нечто похожее творится с оценками природного потенциала России. Он вроде бы вдвое больше американского [Львов 2001]. Только резко преобладает минеральное сырье, рента от которого — это ... всей чистой прибыли (капитал — 1/5, труд — 5 %). Есть и мощности по его переработке. Этой мощи и нашего «демпинга» боятся, как страну нерыночную давят санкциями: до 50—300 % к цене металлов и химикатов, исходя из издержек где-нибудь в Бразилии. Больше всех стараются главные партнеры — Евросоюз, США, страны Восточной Европы, даже Украина, Казахстан и Индия. Так доставалось Китаю, вступившему из-за этого в ВТО, но станет ли ему от того легче?

Последствия подобного шага для России в ее нынешнем состоянии еще менее предсказуемы. Наш экспорт не похож на китайский по составу, он более «биржевой» и менее агрессивный, а импорт-замещение, едва поднявший голову после дефолта 1998 г., может сильно пострадать. Но главное (тут трудно не согласиться с Паршевым и многими другими авторами) — это внутренние следствия сырьевого крена в экономике. Нас ведь в 3—5 раз больше, чем жителей Канады, ЮАР или Саудовской Аравии. Добыча и первичная обработка сырья занимают 15—20 млн работников. Что делать остальным 50 млн — работать в третичном секторе? Но его рынок пока узок по бедности людской. Природо- и людорасточительство, явления одного порядка, нам уже не по карману. Зависеть от цен на нефть, когда они ниже мировых по качеству, а добыча и переработка дороже из-за климата и расстояния, не только унижительно — неперспективно. Впрочем, это отдельная и специальная тема, а мы еще не разобрали второе базовое отличие.

Размеры нашего океана суши отражены во всем объективном и субъективном. Это многососедское положение (конкурент — только Китай), размах и гигантомания, освоенческая психология и характер, не раз описанные: от ушибленной ширью русской души, по Н. Бердяеву, до «аспатиальности» культуры, по Л. Смирнягину. К тому же этот океан асимметричен. Основных осей асимметрии, как минимум, четыре: *север—юг, запад—восток, центры—периферия и русское ядро — этнические ареалы, автономии*. Однако каждая специфична, чем-то отличается от общемировой. И очень своеобразны их сочетания. Так, западно-восточная асимметрия явно лишена того глобального и фатального этнокультурного контекста, который всем известен по Р. Кипплингу: Запад есть Запад, Восток есть Восток... Но как же им тут не сойтись, если границы Европы и Азии условны и наша Азия-Сибирь есть та же, попозже и пореже освоенная Россия, а процент русских там по статистике выше среднего по стране!

В Европейской России чем южнее, тем как бы восточнее из-за буддистов калмыков и исламских народов Кавказа. А в стране в целом чем восточнее, тем как бы севернее, поскольку холоднее (Петербург и Магадан лежат на одной широте, но морозы стоят в одном случае 4,5 месяца, в другом — 7, температуры января —8 и —20° С). В горах Приморья зона нормативного Крайнего Севера доходит до широты Прованса. Виной тому не только климатическая материковая асимметрия, но и орографическая: восток гористее, с движением вверх и к северу там все «суровеет» быстрее, чем на западе. Это определено одно из ограничений пространственного развития.

Но им одним не объяснить факт, что России, в отличие от США и Канады, не удалось создать мощного полюса расселения и экономики у Тихого оке-

Ограничения в развитии России: новый геодетерминизм

ана. Почему многие волны освоения, инвестиции и другие туда не доходили, а оседали, гасли в Сибири? Видимо, из-за расстояний и коммуникаций: на поезде пересечь страну из конца в конец можно с начала XX в., а на автомобиле трудно по сей день. Так или иначе, вышло, что в России чем восточнее, тем периферийнее, дальше от главных центров своей страны и ближе к мощным, быстрорастущим центрам азиатских соседей-гигантов.

Это давно порождает опасения и проекты великих переселений россиян или граждан СНГ на восток для выравнивания по «Великой китайской демографической стене». Сколько же нужно людей, чтобы сравнить плотность населения регионов юга Сибири и Дальнего Востока с северо-китайской? Расчеты показывают, что 500 млн, почти вся зарубежная Европа от Лиссабона до Донецка [Город и деревня 2001, с. 347]. Значит, так проблему не решить. Впрочем, ее отчасти смягчает климат нашего севера, куда южане едут только за самым длинным долларом.

Одноплановая (западно-восточная, североюжная или иная) асимметрия — в мире не редкость. Но, в отличие от США, Канады, Бразилии и «тонзурной» Австралии, ее у нас дополняет не окраинность, а глубинность главных центров, их удаленность от морей и границ. Расстояние 20 городов-лидеров России с учетом их размеров до открытого моря достигает 730 км — больше, чем в СССР и Российской империи (табл. 3). На Американском континенте и в ЕС оно в 3–6 раз меньше. В Европе абсолютные дистанции до морей и границ коротки, но с учетом размеров территории и типичных расстояний могут быть значительными, до 22–29 % приведенных радиусов. Россия по этому параметру — страна скорее азиатская. Общая степень периферийности ее центров та же, что у Индии и Китая: 12–13 % условного радиуса.

Глубинность возникла в ходе сдвига на восток, но не транзитом через материк и усилилась к концу XX в., когда выросла роль срединного индустриально-экспортного «хребта», вытянутого по оси Таймыр—Ямал—Урал—Волга—Дон и наискось скрепляющего запад России с ее востоком. Для экономики (затрат на добычу и грузоземкие поставки за рубеж) это не очень удачно. Для единства и безопасности страны — скорее наоборот.

Недаром в СССР появилась концепция каркаса расселения (территории). При избытке разреженных пространств и нехватке «опорных» центров особый эффект дает внутрикаркасная экономия дистанций, хотя ее оборотной стороной становится отрыв сближающихся метрополисов от их районов. По расчетам О.К. Кудрявцева, у 272 больших и 45 крупных городов СССР среднее фактическое расстояние до ближайшего соседа составляло 54 % расчетного (при равномерном размещении), т. е. было почти вдвое короче [Кудрявцев 1985, с. 68].

Новые данные для 10 первых центров приведены в табл. 3. Для СССР оценка экономии составила ту же величину, хотя расчет теоретического расстояния ближайшего соседства не на всей, а на обжитой территории снижал ее вдвое. За 90 лет эффект стал меньшим: сказалась потеря Польши и сдвиг на восток. В РФ он резко усиливается. Из крупных стран и регионов рядом с ней по относительным показателям — Китай и США, чьи сети центров жмутся к их восточным равнинам. Прижатость канадской «ойкумены» к южному рубежу такой роли не играет, так как центры растянуты вдоль всей границы с США.

Трение пространства — общая проблема гигантов — обостряется в России периодически. В 1830—40-х гг. царь Николай I считал расстояния ее прокляти-

Таблица 3. Средние кратчайшие расстояния от крупнейших городов до внешних рубежей и между городами в ряде стран и регионов мира в 1990-х гг. (расчеты автора)

Страна и год	Взвешенное на людность расстояние 20 крупнейших городов от				Фактическое расстояние ближайшего соседства между 10 крупнейшими городами	
	Побережья океана		Берега либо границы		Км	% к расчетному*
	Км	% к ПР**	Км	% к ПР**		
Росс. Федерация	733	31,4	293	12,6	390	29,9/52,9
Для сравнения						
СССР, 1989	718	26,9	312	11,7	799	53,4/75,5
Российск. имп., 1897	275	10,3	256	9,6	625	41,9/59,6
Евросоюз-15***	115	11,3	71	7,0	365	64,2
Франция	121	23,9	100	28,9	191	81,8
Испания	109	27,1	89	22,2	198	88,1
Германия	214	63,6	74	22,0	104	55,1
Италия	43	8,6	26	13,8	151	86,9
Индия	267	26,1	125	12,2	350	61,1
Китай	262	15,0	222	12,8	319	32,6/35,9
США	213	12,3	83	4,8	285	29,4/36,5
Канада	428	24,0	93	5,2	372	37,3/69,4
Бразилия	172	10,5	145	8,8	478	54,5/72,0

Примечания:

* Первая цифра — расчетное расстояние на всей территории; вторая - на заселенной (с плотностью более 1 чел. / кв. км), если разница между ними значительна.

** ПР - приведенный радиус: радиус круга с площадью, равной площади данной страны (региона).

*** Рассчитано для крупнейших агломераций 15 стран ЕС.

ем, Почему именно тогда? Да потому что страна отстала с устройством железных дорог, уже сжавших дистанции в Европе; национальный комплекс неполноценности возникал (как он обычно возникает) от неприятного сравнения. К XX в. разрыв сократили, а теперь он снова налицо и снова не из-за самих расстояний, а из-за способов и цен их преодоления. Мы застряли в эпохе не очень быстрых, технически не лучших поездов.

Этот, пока самый народный, транспорт в 1990-х гг. сократил перевозки грузов в 6 раз, а пассажиров — вдвое. Студент МГУ Д. Малиновский по отношению тарифов на поездки поездами между Москвой, Новосибирском, Владивостоком и центрами прочих субъектов РФ к душевому доходу их жителей в 1985 и 2001 гг. выяснил, что для «богатых» москвичей страна стала ближе — до нового подорожания билетов с 2002 г. А большинству провинциалов поездка в Москву обходилась в 1,5—3,5 раза дороже, чем раньше; жителю Забайкалья и юга

Ограничения в развитии России: новый геодетерминизм

Дальнего Востока дорога в Европейскую Россию и обратно стоила двух месячных доходов. Лишь для С.-Петербурга, Самарской области и нефтяного Приобья столица стала экономически ближе, чем в советское время.

Усилия по ускорению движения пока сосредоточены на направлении Москва — Петербург, Москва — центры смежных областей (экспресс-электрички). Трехчасовая изохрона (нетто) доступности Москвы выходит за пределы 200 км — расстояния до Рязани, Калуги, Твери, Владимира — лишь по Октябрьской дороге, где оно едва превышает 300 км (Бологое). А ведь из Парижа за три часа с небольшим можно доехать до Лондона, Амстердама, Кельна, Франкфурта, Штутгарта, Марселя, Бордо, покрывая до 500—750 км. В ближайший к Москве город-миллионер Н. Новгород (450 км) поезда идут 7 часов: ни за день обернуться, ни толком выспаться.

Этот центр — один из аутсайдеров современных межгородских соревнований в широком смысле слова, и его сравнительная близость играет скорее угнетающую роль: там понимают, что находятся в тени монстра. Неслучайно это один из эпицентров антимосковских настроений, которых почти не осталось у жителей таких исторических соперников Москвы, как Рязань и Тверь. Правда, можно было бы сблизить Нижний с Москвой при помощи транспорта и связи, втянуть его в орбиту столичной активности, чего он заслуживает не меньше, чем С.-Петербург.

Вообще-то при наших расстояниях, Интернет и сотовая связь, пожалуй, более доступное, надежное и эффективное средство интеграции, чем классический транспорт, капиталоемкий и, в отличие от связи, дорожающий. Накладываемые пространством ограничения эти новые технологии информационной эпохи снимают, конечно, лишь отчасти, но зато быстро и сулят прорывы именно там, где правота геодетерминизма, старого или нового, кажется бесспорной.

Вписаться бы еще в производство таких технологий! Любых, в каких сможем преуспеть, но не вчерашних, а завтрашних. Ведь если мы пропустили целых полволны Кондратьева (т. е. электронный бум 1975—2000 гг.), то можем еще сделать ставку на следующую, которая обещает быть биотехнологической или же информационно-биотехнической. Но тут я не специалист и поэтому умолкаю.

А как же с геодетерминизмом и выводами его неожиданного адепта, экономиста А.П. Паршева? Его главная правота, по-моему, состоит в том, что базовые отличия существуют, и их никак нельзя игнорировать: такой индетерминизм всегда себе дороже. Россия в самом деле ограниченно конкурентоспособна на рынке массовых изделий широкого спроса, где ключевую роль играет экономия издержек, и причины в самом деле трудноустранимы. Но разве это единственно возможная, лучшая модель развития?

Это модель для третьего мира, а нам с ним не совсем по пути. Иные варианты, кроме сырьевого, — научно-технический (видимо, на ближайшую четверть века), научно-культурный, культурно-экологический. Ведь мы — великая культурная и великая экологическая держава. Хотя пока не ясно, когда и как можно будет капитализировать сии качества и на них зарабатывать. Это, как всегда, зависит от внешних и внутренних факторов. От глобальной смены экономических эпох и от нашего им соответствия, что требует усилий, прежде всего интеллектуальных.

Главная ошибка геодетерминизма — абсолютизация фатальных условий при неприятии самого факта (и теорий) смены упомянутых эпох. Потому что един-

ственный выход, который видится в этих условиях для России, звучит приговором ее будущему: ведь самоизоляция как стратегия (тактика — другое дело) сулит в лучшем случае бег на месте или «шаг вперед, два назад». Уйдя в глухую оборону, играя только от нее, без атаки, мы обречем себя на поражение. Между тем давно известно: кто не хочет делать дело, тот ищет причины, по которым его сделать нельзя. Кто хочет, тот ищет способы их преодоления. Так не хватит ли жаловаться на условия России, не пора ли что-то делать?

Литература

- Гердер И.Г.* Мысли, относящиеся к философской истории человечеств: Пер. с нем. СПб, 1829.
- Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001.
- Джеймс П., Мартин Дж.* Все возможные миры. История географических идей: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1988.
- Джонстон Р.Дж.* География и географы. Очерк развития англо-американской социальной географии после 1945 г.: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1987.
- Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001.
- Кудров В., Фаминский В.* Pulp Fiction, или Книга для обывателей, а не для профессионалов // Вопросы экономики. 2001. № 6.
- Кудрявцев О.К.* Расселение и планировочная структура крупных городов-агломераций. М.: Стройиздат, 1985.
- Львов Д. С.* Россия и современный мир // Постсоциалистические страны в условиях глобализации. М.: Изд-во А. Мельникова, 2001.
- Милое Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998.
- Миронов Б.Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII—XIX вв.). Л.: Наука, 1985.
- Паршев А.П.* Почему Россия не Америка: книга для тех, кто остается здесь. М.: Крымский мост-9Д. Форум, 2001.
- Тойнби А. Дж.* Постигжение истории. М.: Прогресс, 1991.
- Харвей Д.* Научное объяснение в географии: Общая методология науки и методология географии. М.: Прогресс, 1974.
- Blum, J.* The rise of serfdom in Eastern Europe // *The American Historical Review*. 1957. N 62.
- Field, N.* Environmental quality and land productivity: a comparison of the agricultural land base of the USSR and North America // *Canadian Geographer*. 1968. N 1.
- Makkai, L.* Neo-serfdom: its origin and nature in East and Central Europe // *Slavic Review*. 1975. N2.
- Rugg, D.S.* Eastern Europe. L.; N.Y.: Longman, 1985.
- Semple, E.Ch.* Influences of Geographic Environment. N.Y.: Henry Holt, 1911.